МАРИЕНГОФ

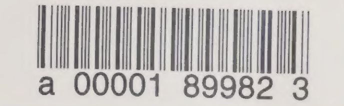
ИВНЕВ

ИМАЖИНИСТЫ

РОЙЗМАН

ШЕРШЕНЕВИЧ

ИЗДАНИЕ АВТОРОВ. МОСКВА, ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЕЗД

ИМАЖИНИСТЫ

1925

РЮРИК ИВНЕВ, АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ,
МАТВЕЙ РОЙЗМАН, ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

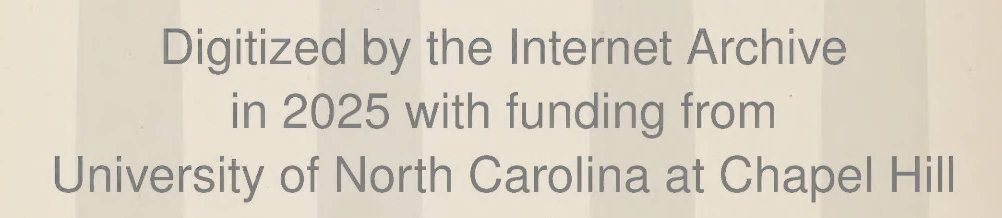
ИЗДАНИЕ АВТОРОВ

МОСКВА

Отпечатано в типографии
М К.Х., им. Ф. Я. Лаврова,
Бородинский мост, Варгу-
нихина гора, 8, в количе-
стве 2.000 экземпляров.
Главлит № 29960—1924 г.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

АННЕ НИКРИТИНОЙ

1

Столб полосатый, всадник, камень
И пограничная межа.
На сердце руку положа,
Скажу:
Я матюгал тогда Германию
И все чужбинные края.

Приятель, дева, комнатушка,
Вот все,
Что позади осталось.
Ах, мы заложим чорту душу
За эту сладостную малость.

„Что Русь!“—(смеялись налегке
Садясь в вагон красноперинный)
„Плевал я в бороду твою!“
А на Монмартре в кабаке
Заказываю
С огурцом ботвинью.

Вот дурали! вот непоседы!
Мальчишье сердце,
Синий глаз.
Без толку шляемся по свету
Собачьей верностью томясь.

Париж 1924

2

Степи, звезды и воды—
Вот ведь она какая!
Ни-за-што, ни-про-што
Ей душу отдал,
А тело по Европе таскаю

Скоро заговорю по собачьи.
Жру
Омаров и крабов
Я по тебе не плачу,
Как вологодская баба.

На Монмартре светлые ночи,
Губы у девчонок в крови.
Иноземной последней сволочи
Поют цыгане
Песни твои.

Птицы, звезды и степи
Желтые зори
И трава.
Тридцать три переедешь моря,
А в сердце:
Пепел
И маленькая Москва.

Париж 1924

3

Куда бы разумом холодным не ушли,
На тройках времени куда бы не умчались,
(О, сколько есть погибельных дорог)
Не пересохнет древний тот исток
Сомнений,
Радостей,
Печалей.

Коней и ворогов не ловим на арканы,
К полярным льдам медведь и лось бежал,
Но если сбудется предчувствие обмана,
И я заговорю
На языке ножа.

О, варварский, о дикий хмель!
Как древле покупаем бабу
И умыкаем деву так-же
Бежим
За тридевять земель,
Чтоб совершить любовную покражу.

С французским сифилисом северную кровь
Мешают россы
В кабаках Монмартра.
Москва! Россия! Ветхий кров!
Там девы рассыпают косы,
Как листья августовский сад.

От радостей, сомнений и скорбей
Нам не избавить наши души.
Осенний день,
Осенний чад,
Осенний ветр у тополей
(Как дед у озорных мальчат)
Сердито треплет золотые уши.

1924

4

Опять безжизненное поле,
Безжизненная вдаль тропа.
Верст шесть осталося
(Не боле)
До пограничного столба.

Такой-ли представлялась встреча?
Какие грустные края.
И огненные (ах!) противоречья
Любовь и ненависть таят.

Где сердце?
В суете-ль проклятой?
(Неушто-ж я такая дрянь)
Мила-ли:
Пенза толстопятая
И косопузая Рязань?..

А вот: и столб
И пограничный домик
И всадник в шлеме на меже.
Кто разберет?
Чорт ногу сломит
В смешной поэтовой душе.

1924

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

1

О пальмы, убравшие голову
Зелеными перьями снова,
Струите-же фиников золото
В просторы песка голубого!

И снова медвяные локоны,
Миндаль, расчеши на закате,
Пока ночь,—арабка безокая,
В колодцы луну перекатит!

И снова, спокойное озеро,
Раскройся лазоревым оком,
И ветер тревожными розами
Дыши на долине широкой!

Дыши и баюкай рассеянно,
Мой верный, веселый наперсник,
Меня на серебряном севере
Старинной размеренной песней!

О песня, подруга печальная,
Скажи мне: какие же строки
Развеят на сердце нечаянно
Мечту о библейском востоке?

Январь 1924

Москва

2

Ах поймешь ли, моя голубая,
Отчего так рябины шуршат,
И такими глотками хлебает
Молоко золотое душа?

Отчего я храню терпеливо
На земле иудейскую скорбь,
Как хранят молодую оливу
Среди горных горячих песков.

Отчего мне больней и отрадней,
Что я правнук маонских пустынь,
За курчавый родной виноградник
Принимаю чужие кусты.

Ведь никто никогда не узнает,
Да и сам ни за что не пойму,
Отчего вся дорога земная
И трудна, и мудра, как талмуд.

Отчего так душа полюбила
На некошенных русских лугах
И роняет сейчас, как рябина,
Непослушную кровь наугад.

Август 24 г. Химки.

3

Олесе.

В полях огни — сгни широко,
Впотьмах навстречу поезда,
И вдруг, как золотистый локон
Вверху рассыпется звезда!

И также семафор мигает
Зеленым глазом впереди,
И ночь — хмельная и нагая —
В упор хохочет и глядит.

Эх ночь! безумная подруга,
Чего ты хочешь от меня?
Иль в этот полутемный угол
Пришла в измене обвинять?

Иль ждешь, пока тяжелой кровью
Нальется семафорный глаз
И, заколдованный, закроет
Дорогу новую от нас?

Я сам хочу конца такого.
Я сам устал желать и сметь.
Все суета! все бестолково!
И страсть, и месть, и скорбь, и смерть!

Август 1924

4

Тополя, тополя золотые,
Хорошо ли вам после дождя,
Когда капли на листьях застыли
И жуки заунывно жужжат?

Так отраден качающий запах—
(Эти вздохи в ночной бирюзе),
Что я лапы, зеленые лапы
Пожимаю, как руки друзей.

Ничего, ничего не поделать,
Если с детства встречаю врагов
И бреду по пути неумело
Неуверенной, робкой ногой.

Только нежно слезами обрызнув
Тополя, вы поймете меня,—
Почему я жемчужины жизни
На стекляшки стихов променял.

Почему пеплом сердце посыпал
И тихонько в ладонях зажал,
И стою под ветвями косыми
И пою о причудах дождя.

Николаевский поселок

Июль 1924

5

Не тужи, не плачь о прошлых,
О пунцовых песнях сентября:
Скоро пышные пороши
Берега дорог осеребрят.

Скоро разметутся листья
Голубыми метлами пурги,
И не скажет след огнистый,
Отчего на севере погиб.

Скоро позабудешь лица
Вероломных, молодых подруг,
И душа лишь устремится,
Как голубка, на библейский луг.

Ох ты голову закинешь,—
В бирюзе звезду свою искать,
Но холодный тонкий иней
Засверкает на твоих висках.

И мой друг, мой друг хороший,
Твой последний соверши обряд,
И тужи, и плачь о прошлых,
О пунцовых песнях сентября!

Февраль 1924

6

Т. М

Надоела по горло печаль
Среди белых, горбатых сугробов.
Где сгорит, как в субботу свеча,
Моя жизнь—тяжело и убого.

Виноват-ли, голубка, я в том,
Что родился под свисты мятели.
И месяц, как перст золотой,
Показал на мои же потери.

И с тех пор убаюкал меня
Голубой перезвон колоколен
И чужую печаль перенял
Я в серебряном ровном покое.

И с тех пор полюбил я вино,—
Изумрудную кровь винограда,—
Но как древний душистый венок,
Потерял я на севере радость.

Да и кто виноват, что печаль
Захотела так душу искомкать,
Когда тихо ее на плечах
Проносил, как тугую котомку?

Зима 24 г. М.

7

Порхай же на холодном сквере
И бейся осень о карниз
И грозно золотые перья
Роняй по переулкам вниз!

Уже печальными речами
Тебя встречают тополя
И брачный пурпур расточают
На оголенные поля.

И вижу: за туманной синью
Еще горбата и ряба
Преображенная Россия
Сбирает звезды в короба.

Я понял все, о призрак вещий,
Мне по заслугам ты воздал:
Ведь рыбкой в коробе трепещет
Моя мятежная звезда.

И никогда я не покину
Ни этот пурпур сентября,
Ни эту синюю равнину,
Где ночью росы серебрят.

Ах осень, мне о землю биться
И эту землю целовать
И на холодные страницы
Ронять горячие слова.

28/IX М. 1924.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ

1

Бесцельно целый день жевать
Ногами плитку тротуара,
Блоху улыбки уловить
Во встречном взоре кавалера.

Следить мне как ноябрь—паук
В ветвях плетет тенета снега
И знать, что полночью в кабак
Дневная тыкнется дорога.

Под крышным черепом ой-ой!—
Тоска бредет во всех квартирах.
И знать, что у виска скорей,
Чем через год, запахнет порох.

Итак: итог: ходячий труп
Со стихотворною вязанкой!
Что ж смотришь, солнечный циклоп,
Небесная голубозвонка!?

О солнце! Кегельбанный шар!
Владыка твой, нацелься в злобе
И кегли дней моих в упор
Вращающимся солнцем выбей!

Но он не хочет выбивать,
О понял я, как все усталый:
Не то что жить, а умереть
И то так скучно и постыло.

2

Другим это странно: влюблен и грусть!
Помнит о смерти, как о свиданьи!
Я же знаю, что гробом беременна страсть,
Что сам я двадцатого века виденье!

Другим это просто: влюблен—хохочи!
Как на медведя, на грусть, в дреколья!
Как страус в кусты, уткнувшись в плечо
Любимой грезь об Италии.

Что такое Италия? Поголубее небо,
Да немножко побольше любви!
Мне ж об'ятья твои просторнее гроба,
А губы мои как могильный червяк.

Пусть тобой прорастут черноземные ночи,
В них сам десять плодится печаль,
И когда я дрожу от пьянительной встречи,—
Так дрожит на кресте иммортель.

Так просто выдавить слова,
Как кровь из незасохшей раны.
Землетрясенье в голове
Но мысли строже, чем икона.

Землетрясенье в голове,
И лавой льются ваши губы.
Вам 20 лет и этим вы правы,
А мне всего один... до гроба.

3

Из «От и До»

...Ах, кому же, кому передать мои козыри,
Завещать их друзьям каким?
Я куда, востократ, несчастливее Цезаря,
Ибо Брут мой—мой собственный ум.

Я ль тебя не топил человечий,
С головой потерять хотел.
В море пьянства на рюмке выезжая полночью,
Сколько раз я за-борт разум толкал.

Выплывает, проклятый, и по воде бредет,
Как за лодкой христос непрошенный.
Каждый день не лень пухнуть востократ
От истины каждой подслушанной.

В правоту закованный книгами весь,
Это ты запрещаешь поверить иконам.
Я с отчаяньем вижу мир весь насквозь
Моим разумом словно рентгеном.

Не ты ли сушишь каждый год
Что можно молодостью вымыть?
Не ты ли полный шприц цитат
И чисел вспрыскиваешь в память?

Не ты ли запрещаешь петь
На севере о пальме нежной?
Не ты ли указуешь путь
Мне верный и тогда ненужный?!

Твердишь что пасха раз в году,
Что к будущему нет возврата.
С тобою жизнь задачник, где
Давно подобраны ответы.

Как гусеницы лист глодать
Ты об'едаешь суеверья,
Ты запрещаешь заболеть
Мне, старику, детишной корью.

На чорта влез в меня мой ум?
Прогнать тебя ударом по-лбу!
Я встречному тебя отдам,
Но встречный свой мне ум отдал бы.

Не могу и кричу я от злости!
Как булыжником улица, я несчастьем мощон!
Я должно быть последний в человечьей династии.
Будет следующий из породы машин.

Теневой стороной пробираюсь, грустя, по го-
динам,
Задувает ветер тонкие свечи роз.
Русь, повесь ты меня колдовским талисманом
На белой шее твоих берез!

РЮРИК ИВНЕВ

ОСАДА МОНАСТЫРЯ

ОТРЫВОК ПЕРВЫЙ

I

Толпа у стены монастыря. Разный люд. Дни Октябрьск.. революции.

Белый:

Появились чумазые лица
Откуда-то со стороны.
Долгорукие и Голицыны,
А не эти править должны.
Скажите, чьи деды и прадеды
Ложились за Русь костьми;
Не бандитов, не конокрадов,
Не кощунственников и громил.
У нас земляника, смородина,
И яблоня вся в цвету...
Напустили на нашу родину
Эту подлую срамоту.
Пусть у нас, хотя и вдоволь
Хлеба, мяса, сукна, икры,
Но зачем нам тугие оковы
Заграничных, очкастых крыс?
Для того-ль берегли мы сокровища
Наших ризниц и кремлей,
Чтоб россеять по знаку чудовищей
По нерусской чумной земле,
Чтоб набить ими, точно фаршем,
Растопыренный их карман.
Эй, друзья православные, маршем
На врагов! Да исчезнет обман?

Народ волнуется.

Голоса:

Что такое? Обман? Какой же—
Это по счету обман?
Как и эти, ты сладко воешь...

I Голос:

Ты что, за Романовых?

II Голос:

Не мешайте! Пусть скажет слово.
Разобраться мы должны...

III Голос:

Эх, братцы, точно олово
В голове.

IV Голос:

Снимай штаны!
Посмотри, какая материя!
Заморское, небось, сукно.
А у нас—вши, дезинтерия,
На уме жранье одно...

Белый:

Граждане! Именем бога!
Именем Иисуса Христа!

IV Голос:

Где купил их? и дорого-ль
Заплатил за божьи уста?

Агитатор:

Товарищи! Это чучело,
Эта дворянская мразь,
Которая жгла и мучила
Крестьян и гнала нас в грязь...

V Голос:

А ты—крестьянин?

Агитатор:

Нет, но я говорю от имени их.
(продолжает).
Эта жалкая гадина
Снова явилась сюда.
Бей ее перекладиной
Или кто чем горазд.

VI Голос:

Посмотрите на эти руки,
Взгляните в эти глаза.

VII Голос:

Ах, он такой же сукин
Сын!

VIII Голос:

Схватить и связать!

Голос:

Идемте к монастырю скорее.
Там рассудим кто прав, кто нет.
Одному—намылим шею,
Другого—на тот свет.

II

Толпа идет к монастырю вдоль стены, длинной, розовой, зубчатой.

Горбун:

Если говорить по правде
Все должны быть равны.
Я читал: еще император Клавдий...
Это—из римской старины...

I Гражданин.

Что ты там брешешь, глупый,
Здесь мы решаем жизнь,
А ты копошишься в трупах
Каких-то мертвых отчизн.

Горбун:

Ладно, брошу я Рим, но слушай—
(Хоть старину люблю)
Я имею глаза и уши,
А сколько мук терплю.
Ты думаешь—это просто
Носить на спине горб,
Быть низенького роста...
Не камень я и не столб.
Я тоже хочу давиться,
Сжимая любимый рот,
Как птица о клетку биться
О чей-то круглый живот.
Я тоже хочу купаться,
Как все, в нашей реке,
А не краснеть и стесняться
И не пыхтеть в сюртуке.
Ты думаешь, так всё просто,
Вот почему и я
С этими прохвостами
Буду стрелять из ружья
Во всех богатых и крепких,
Кто сочно любил и жил.
Ломать пахучие ветки,
Вытягивать жилы,

I Гражданин:

Тебя слушать противно,
Здесь решают судьбу людей...

Горбун:

А я... не человек?

I Гражданин:

Человек, так будь человеком,
Не брызгай слюной, как гад.
Революции не нужны калеки,
И не нужен этот смрад.

Горбун:

А я докажу, что нужен,
И буду служить в Че-ка,
Спокойный, забитый снаружи
И с бешеной злобой в висках.
Я знаю, что я—никудышный,
Но равенства я хочу,
Плевал я на ризы пышные,
На шелк и на парчу.
Всё на снос, на портянки,
И не медленно, а сразу.
Разрушить всё. В гранки, в гранки
Каждую злобную фразу.

I Гражданин:

Против кого?

Горбун:

Против богатых

I Гражданин:

И против счастливых?

Горбун:

Да.

I Гражданин:

Таких, как ты, лопатой
Будут гнать все и всегда.

Но что это—звон церковный?
Это иеромонах
Знак дает, вероятно, условный.

Горбун:

А всё же какой-то страх
Проникает в самую душу.

I Гражданин:

Трусишь?

Горбун:

Нет.

I Гражданин:

Волнуешься?

Горбун:

Да.

I Гражданин:

Как же ты будешь царства рушить?

Горбун:

Сам не в силах, пожалуй, но вот когда
Другие начнут работать
И я смогу по маленьку
Поливать их работу пòтом,
А потом со ступеньки на ступеньку...

I Гражданин:

Ну, и люди пошли нынче,
Я поступил бы иначе.

Доносятся голоса:

Бейте камнями стекла,
Пусть выйдет сюда монах.

Послушник:

От слез его келья намокла.

Голоса:

Не от слёз!
Ха-ха-ха!

Горбун:

Начинается! Сердце бьется.
Что может быть слаще смотреть,
Когда голова чужая трясется
И лицо начинает бледнеть.

Голоса:

Будет врать. Подавай начальство!..
У кого от церкви ключи?

Женский голос:

Это нахальство!
У бога, у бога—ключи.

Голоса:

Тогда подавай бога!
Эй, бога даешь, в бороде,
Всех растянем мы на пороге,
Точно рыб на сковороде.
Эти люди! Легче кожу
С них живьем содрать,
Чем у этих сердец замороженных
В пользу бедных копейку взять...

Старик:

Братья! Старику разрешите
Дать совет вот здесь, на миру.

Голоса:

Пусть говорит!

I Голос:

Говорите!

II Голос:

Должно быть хитрец и врун.

Старик:

Спору нет, помогать бедным
Всякий должен, мы этим сильны,
Но ведь каждый грошик медный
Нужен также и для страны.
Если мы все наши запасы
Раздадим по рукам зря
Петьке, Сеньке, Маше и Васе,
Наши банки все прогорят.
А и с ним—народ всякий—
И богач, и бедняк, и средняк.
Ведь у нас теперь всякий судачит,
А дело не разумеют никак.

I Голос:

Долой его!

II Голос:

Кто ты? Купчик?

III Голос:

Это видно по бороде.

I Голос:

Всех бы их растолочь в ступке,
Да утопить в воде

Старик:

Утопить всегда успеете,
А вы слушайте старика...

Голоса:

Эй! Ребята! Не робей!
Против бога и кулака!

ОТРЫВОК ВТОРОЙ.

Скит, занятый войсками революционеров.

Отшельник: (молится)

Вериги ношу на теле.
Томлю себя сладким постом,
Но даже на жесткой постели
Терзаюсь греховным огнем.
Какие еще напасти
Мне на себя напустить.
Господь мой! В твоей я власти,
Мне любо с тобою жить.
Господь мой! Очисти, очисти
Меня от моих грехов,
Как осень зеленые листья
От слишком ярких цветов.

Часовой:

Эй, ты, черная ряса,
Порыжевшая во лжи,
Ты что до ночного часа
Колдуешь и ворожишь?

Отшельник:

Я молюсь.

Часовой:

Какому чорту?

Отшельник:

Богу моему молюсь.

Начальник отряда:

Вырвать бы тебе бороду,
Ах, ты, старая Русь!
Мало вас калечили,
Мало гнали вас, вы опять

За свое, как только заметили,
Что мы мягче стали стлать.
Может быть вы снова хотите
Быть владыками страны?
Обтянуть нас гнилыми нитями
Иисуса и Сатаны?

Отшельник:

Боже! боже! Что он глаголет!
Человек без глаз и ушей!
Крик его, как горсти соли,
Для открытой раны моей.

Начальник отряда:

Вот змея! Куда ни ударишь
Все живет, как и в те разы.
Нет, с тобою каши не сваришь,
Я бы вырвал этот язык.
Ах, у нас еще слишком бабы,
Мне бы власть,—я, как сквозь строй,
Прогнал бы через ухабы
Весь церковный ваш домострой.
Я бы церкви сравнял с землею,
Дал приказ—и до зари
Исчезли бы вместе со мглою
Часовни и монастыри.
А вас хитрых упрямцев,
  грающих в любовь,
Под ружье поставил и ранцы
И всю морду разбил бы в кровь.

Отшельник:

Откуда такая злоба?
Откуда такая вражда?

Начальник отряда:

Молчи! И смотри в оба!
Я тебе жару задам.

(Берет револьвер и прицеливается).

Треснет этот проклятый череп,
Вывалятся мозги
И по вашей дурацкой вере
Прогуляются сапоги.

Отшельник:

Может быть это ты, боже,
Его сюда призвал
И за жизнь, что неправедно прожил,
Ты меня теперь наказал.

Начальник отряда:

(бросая револьвер)

Да не бог, вот юродивый, право,
Это я наказую тебя
За помещиков кровавых,
За голодных наших ребят.
Это ты под черной рясой
Золотые пряча кресты
Последний кусок хлеба и мяса
Вырвал у бедноты.
Молитвой твоей не будет
Ни один человек сыт.
Революция нас рассудит.
У нее—свои весы!
Но тебя ненавижу! Сильней,
Чем кого бы то ни было;
За обманутых людей,
Зачарованных вашим идолом.
Если нас гнетет помещик,
Купец или фабрикант,

Он вещь называет вещью,
Называет фактом факт.
А вы, жалкие гады,
Во имя какой любви
Защищаете эту падаль,
Захлебнувшуюся в крови?
Спору нет, ваш товар—находка,
Лучше золота ваш товар.
Вы торгуете очень ходко,
Загребая крестами жар.
Перед вами бледнеет торговля
Последней из потаскух,
Когда та с хрипотой в горле
Чуть переводит дух.
Это вы стоите на страже,
Как духовные псы, ворча,
У богатых, и гаже вас, гаже
Только крест ваш, да епанча!

Отшельник:

Я должно быть всю жизнь, моляся,
Сам того не зная—грешил.
Боже мой! В этой черной рясе
Я стою, почти без души.
Там—листва зеленеет и небо
Так смертельно высоко,
Точно я на свете не был
И не дышал глубоко.
Может быть эти проклятья
Я заслужил, заслужил.
Боже! Вот здесь, у распятья
Мои грехи укажи!

Начальник отряда:

Ты хитер или глуп. Не в силах
Я с тобой разговор вести.

Я тебе буду харкать в рыло,
А ты будешь меня крестить?
Отвечай мне лучше прямо,
Человечески отвечай —
Ваша церковь—гнойная яма
Для мыслителя и врача
И для всякого гражданина,
Не выжившего из ума?
Ваша церковь—это трясина?
Это знает она сама.

Отшельник:

Отойди!...